

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH202297-311>

Исследовательская статья

Наврузов Амир Рамазанович,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shihaliev74@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация: Обзор историографии развития джадидизма и мусульманского реформаторства в Поволжье, Центральной Азии, Закавказье и изучение арабографических источников по Северо-Восточному Кавказу позволил нам согласиться с выводом ряда западных ученых, которые говорили не о джадидизме в Российской империи, а о разных формах джадидизма. Несмотря на широкий разброс идей и концепций относительно определения этого движения, все же дагестанские источники показывают определенную картину, которая позволяет нам несколько осторожно подходить к термину джадидизм XX века. Несмотря на то, что в дагестанских источниках упоминается термин «усул-и-джадид», равно как и то, что египетских реформаторов и их дагестанских последователей в местных источниках называют джадидами, все же мы стараемся не использовать этот термин применительно к Дагестану. Здесь мы можем больше говорить о мусульманском реформаторстве, чем о джадидизме, поскольку обсуждение разных вопросов в Дагестане шло исключительно в рамках мусульманской богословской традиции, со свойственной исламскому дискурсу системой определений, символов, образов и понятий. Вопреки тому, что пишет о дагестанских реформаторах советская и современная историография, они не были сторонниками секуляризации общества, не призывали к адаптации и восприятию европейской культуры. Более того, их взгляды, помимо того, что лежали сугубо в исламской плоскости, отражали также их призыв вернуться к более раннему периоду ислама, когда мусульманское общество было на пике своего развития. Сравнивая движение мусульманских реформаторов и джадидов Поволжья и Дагестана, можно отметить ряд сходств в идеях татар ал-Курсави, ал-Марджани и дагестанцев ал-Кудуки, ал-Гумуки. Все эти ученые выступали со схожими идеями иджитхада. Вместе с тем, несмотря на некоторые контакты дагестанских реформаторов и джадидов XX века, и некоторые сходства идей в вопросах реформы образования, все же джадидизм в Поволжье начала XX века и реформаторство в Дагестане было разным.

Ключевые слова: Дагестан; джадидизм; мусульманское просветительство; реформа исламского образования; иджитхад; таклид; лжешейхство; карамат

Для цитирования: Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш. Историография и источниковедение джадидизма в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 2. С. 297-311. doi.org/10.32653/CH202228-242297-311

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH202297-311>

Research paper

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
shikhaliev74@mail.ru

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY OF JADIDISM IN DAGESTAN

Abstract: A review of the historiography of the development of Jadidism and Muslim reformism in the Volga region, Central Asia, Transcaucasia and the study of Arabographic sources on the North-Eastern Caucasus allowed us to agree with the conclusion of a number of Western scholars who spoke not about Jadidism in the Russian Empire, but about various forms of Jadidism. Despite the wide range of ideas and concepts regarding the definition of this movement, the Dagestan sources nevertheless show a certain picture, which allows us to approach the term Jadidism of the 20th century somewhat cautiously. Despite the fact that the Dagestan sources mention the term «usul-i-jadid», as well as the fact that the Egyptian reformers and their Dagestani followers are called jadids in local sources, we still try not to use this term in relation to Dagestan. Here we can talk more about Muslim reformism than about Jadidism, since the discussion of various issues in Dagestan proceeded exclusively within the framework of the Muslim theological tradition, with a system of definitions, symbols, images and concepts characteristic of Islamic discourse. Contrary to what Soviet and modern historiography writes about the Dagestan reformers, they were not supporters of the secularization of society, they did not call for adaptation and perception of European culture. Moreover, their views, in addition to being purely Islamic, also reflected their call to return to an earlier period of Islam, when Muslim society was at its peak. Comparing the movement of Muslim reformers and the Jadids of the Volga region and Dagestan, one can note a number of similarities in the ideas of the Tatars al-Kursawi, al-Marjani and the Dagestanis al-Kuduki, al-Gumuki. All these scholars came up with similar ideas of ijihad. At the same time, despite some contacts between the Dagestan reformers and Jadids of the 20th century, and some similarities of ideas in matters of education reform, nevertheless, Jadidism in the Volga region at the beginning of the 20th century and reformism in Dagestan were different.

Keywords: Dagestan; Jadidism; Muslim enlightenment; reform of Islamic education; ijihad; taklid; false sheikhism; karamat

For citation: Navruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Historiography and Source Study of Jadidism in Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 297-311. doi.org/10.32653/CH202228-242297-311

Введение

В данной статье мы хотим дать историографический обзор исследований и публикаций в Дагестане по так называемому джадидизму¹. Термин «джадидизм» многие исследователи относят к «ал-усул ал-джадид» («новый метод»), основателем которого считается крымский ученый и просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914). Он разработал новую систему преподавания арабского и тюркских языков, в котором внимание уделялось фонетической системе изучения слов, в противовес корневой, распространённой в традиционной системе мусульманского образования. С помощью нового метода обучения, учащиеся осваивали материал намного быстрее, чем по старой методике.

Впоследствии термин «джадидизм» включил в себя более широкое значение реформы системы мусульманского образования. Он подразумевал включение в учебный план мусульманских мадраса естественных дисциплин, таких как география, естествознание, история, математика и т.д. В дальнейшем под термином джадидизм стали понимать движение «мусульманского просветительства», направленное не только на реформу системы образования, но и всего мусульманского общества, стимулировав тем самым развитие тюркского национального самосознания и их политическую активность в России [1; 2; 3; 4].

Начало изучения истории джадидизма в России было положено в 1920-х гг. Тогда под этим движением понимался постепенный перелом в культурной жизни татар, характеризующийся «умственным пробуждением, толкающим их на сближение с европейской культурой и на переустройство жизни сообразно новым потребностям» [5, с. 46].

Начиная с 1930-х гг. джадидизм стал рассматриваться советскими учеными сквозь призму марксистской теории развития общественно-экономических формаций. В этот период формируются разные взгляды и оценки сущности джадидизма. Он рассматривается либо как буржуазно-либеральное, либо буржуазно-националистическое, либо контрреволюционное, либо панисламистское [6, с. 233], либо пантюркистское [7, с. 122] и, наконец, просветительское движение. В послевоенные годы к этой проблематике интерес несколько угас, так как советскими историками и обществоведами ислам воспринимался как чуждый коммунистическим идеям «феодално-клерикальный элемент» и большинство обществоведов, которые писали об исламе, писали с позиции его критики [8]. Основной посыл в трудах советских историков был направлен на прогрессивную роль советского правительства в вопросах развития науки и просвещения в мусульманских регионах России.

В годы хрущевской «оттепели» началось переосмысление истории движения джадидизма в советской литературе. В социалистическом контексте исторических

1. Под «джадидизмом» в Поволжье мы понимаем комплекс вопросов национального, общественно-экономического и политического характера, имеющий в своей основе европейский элемент и европейскую направленность; движение, направленное на адаптацию под европейское общество с заимствованием европейских систем и институтов. Не игнорируя целый пласт исследований этого движения, мы, в данном случае, исходим из того, какую семантическую нагрузку несет этот термин в научной литературе.

исследований, ученые пытались пересмотреть суть «джадидизма» через повторное толкование ислама в качестве конкретного татарского национального культурного наследия, получившего название «мирасизм» [9; 10]. Современные исследователи: М. Кемпер и А. Бустанов рассматривают «мирасизм» в качестве интеллектуального движения, когда татарские ученые проявляли растущий интерес к дореволюционной татарской литературе, в том числе к восточным рукописям и архивным источникам [9, с. 32]. В результате такого подхода классические мусульманские ученые-богословы рубежа XVIII – XIX веков стали восприниматься едва ли не как предвестники социалистических преобразований, которые боролись со «средневековым мракобесием» [7, с. 142]. В работах советских исследователей появились такие идеологические штампы как «свободомыслие», «рационализм», «вольнодумие» с одной стороны, и «средневековое мракобесие», «клерикальная верхушка» с другой, причем это было характерно как для исследований по исламу в Поволжье, так и в Дагестане [10; 11]. При таком подходе полностью игнорировался мусульманский контекст дискуссий об исламе в среде татарских и дагестанских ученых-богословов, а джадидизм и предшествующие ему идеи реформы системы мусульманского права и догматики стал восприниматься как прогрессивное движение, имеющее исключительно светский характер.

Новый этап дагестанской историографии в вопросах джадидизма начался в постсоветский период, где джадидизм характеризуется как религиозное реформаторство и просветительство.

В изучении джадидизма в Дагестане явно вырисовываются следующие темы: «советские работы о мусульманском просветительстве», «пресса», «новометодные школы и мусульманское духовенство»; «мусульманское реформаторство и ваххабизм»; «что реформировали и критиковали джадиды: ал-фикх и ат-тасаввуф», «персоналии».

Историография поздней советской школы изучения джадидизма

Первым, кто затронул тему джадидизма в Дагестане был дагестанский философ и общественник М.А. Абдуллаев. Так, он рассматривает дагестанского ученого Мухаммада ал-Кудуки как «прогрессивного деятеля, развивавшего "рационалистические взгляды", "свободомыслие" и отвергавшего "учение мусульманской ортодоксии о божественном предопределении жизни"» [12, с. 31–32]. Между тем, Мухаммад ал-Кудуки, также как татарский ученый Абд ан-Насир ал-Курсави, был классическим мусульманским ученым, который писал работы исключительно в рамках мусульманской догматики и фикха, где призывал вернуться к основным источникам ислама и периоду жизни «праведных предков» (салаф ас-салихин). В этом отношении их взгляды были более «фундаменталистскими», чем взгляды «традиционных» мусульманских богословов, следующих за религиозно-правовыми школами (мазхаб) [13–15].

Очень важными, на наш взгляд, являются источники, введенные в научный оборот дагестанским тюркологом Г.М.-Р. Оразаевым. В своих четырех книгах автор

собрал, переложил на кириллицу и издал с комментариями творческое наследие на кумыкском языке дагестанского ученого и просветителя Абусуфьяна Акаева. В этих работах собраны как отдельные книги А. Акаева, изданные им в досоветский период в арабской графике в типографии М.-М. Мавраева, так и отдельные статьи, написанные А. Акаевым в арабографических журналах [16–19].

Говоря об Али Каяеве, следует отметить несколько работ, специально посвященных этому реформатору. Одним из первых начал писать о нем дагестанский ученый М.А. Абдуллаев совместно с Ю.В. Меджидовым в своей книге «Али Каяев. Жизненный путь, естественно-научные и общественно-политические воззрения», причем эта монография об Али Каяеве выдержала два издания [20; 21]. Вместе с тем, данная работа не избежала идеологических советских штампов, равно как и фактологических ошибок в исследовании творчества и биографии А. Каяева. В некоторых местах автор позволяет себе вольное изложение материала, зачастую даже так, как будто автор сам присутствовал при тех или иных событиях, или ему о них рассказал сам Али Каяев. В частности, автор отмечает, что «общение с мударрисами ал-Азхара не могло не обнаружить, что Каяев обладает недюжинными способностями и в совершенстве знает арабский язык» [20, с. 22]. Между тем, это общение с учеными ал-Азхара нигде не зафиксировано в источниках, равно как и сам автор не мог присутствовать при их общении, чтобы дать оценку знаниям А. Каяева. Кроме того, автор определяет египетских реформаторов Мухаммада Абдо и Рашида Рида как тех, кто «выступал за пропаганду светских знаний и культуры» [20, с. 23]. М. Абдуллаев и Ю. Меджидов определяют А. Каяева как человека, который сознательно отказывался от столпов ислама, молился «один раз в неделю», и что «в его творчестве советского периода не прослеживается влияние религии» [20, с. 39].

Между тем, идеи египетских реформаторов многими западными учеными справедливо характеризуются как исламские, и что их деятельность была направлена как раз против расширения европейской колонизации. В этом отношении реформа ислама и системы мусульманского образования, к которым призывали египетские реформаторы, носит противоположный «пропаганде светской культуры» смысл. Кроме того, источники, написанные А. Каяевым в советский период, его взгляды, отраженные в этих источниках, показывают его именно как мусульманского интеллектуала, который призывал вернуться в период раннего ислама. Более того, именно в советский период он написал сочинение «Стрела, пронзающая утверждения лжеца», где он осветил свой диспут с материалистом, которому он доказывал несостоятельность его взглядов на устройство Вселенной² [22]. Контекст дискуссии с материалистом показывает, что именно его А. Каяев называет «лжецом», точнее, человеком с ложными взглядами.

Тем не менее, работы М.А. Абдуллаева и Ю.В. Меджидова о А. Каяеве являются едва ли не самыми первыми исследованиями, посвященными дагестанскому мусульманскому реформаторству.

2. Али б. Абд ал-Хамид ал-Гумуки. Ас-Сахм ас-саиб ли сахиб аз-за'м ал-казиб // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Фонд М. Саидова. Оп. 1. № 90. Лл. 133–193 об.

Современная историография (последних 20-30 лет)

Ряд советских, российских и зарубежных исследователей также обращались к теме джадидизма в Дагестане. Одной из таких работ является статья А.Г. Гаджиева, в которой он рассматривает джадидизм как просветительское движение, направленное на реформу системы мусульманского образования. Здесь же автор приводит имена тех интеллектуалов из числа дагестанцев, которые сыграли большую роль в распространении новометодных школ [23].

Статья А.-К.Ю. Абдуллатипова характеризует Абусуфьяна Акаева как «реформатора образования, основателя новометодного обучения в Дагестане и Северном Кавказе», как «достойного продолжателя гуманистических и просветительских традиций Дагестана» [24, с. 26–42].

Роли дагестанского ученого и просветителя А. Акаева в развитии идей джадидизма в Дагестане посвящена статья К.М.-С. Алиева. Вслед за Д. Исхаковым, автор также подходит к определению джадидизма как «общественного движения по пути к формированию нации» [25, с. 9–15]. Рассматривая реформаторство сквозь дихотомию «джадидизм» – «кадимизм», автор экстраполирует на дагестанский джадидизм те дискуссии, которые особо жестко проходили в других регионах Российской империи, в частности, в Волго-Уральском регионе и в Центральной Азии. Среди причин распространения джадидизма в Дагестане автор видит развитие капиталистических отношений в Дагестане и требование буржуазии Дагестана «поворота лицом к Европе, к России» [25, с. 12].

В совместной работе М. Кемпера и Ш.Ш. Шихалиева «Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма» авторы дают «краткие гипотезы развития мусульманского реформаторства в Дагестане, отличающие её от форм джадидизма в остальных регионах мусульманского мира» [26].

Крупную работу, посвященную вопросам, обсуждаемым мусульманскими реформаторами в джадидской газете «Джаридат Дагистан» (1913–1918) написал А.Р. Наврузов [27]. Несмотря на то, что сама работа носит больше источниковедческий характер и посвящена структуре этой газеты, автор осветил практически все вопросы, которые обсуждали мусульманские интеллектуалы в начале XX в. Адекватно передавая суть обсуждаемых джадидами вопросов, в то же время автор не до конца глубоко дал анализ тех задач, которые ставили перед собой джадиды. Кроме того, при характеристике ряда фактов, связанных с деятельностью этой газеты, А. Наврузов не избежал некоторых идеологических штампов, присущих советской историографии. Издание подобного рода газет было связано с общим движением реформаторства, охватившем многие мусульманские страны [28].

Говоря о мусульманской школе в Дагестане, необходимо отметить совместную работу В.О. Бобровникова, А.Р. Наврузова и Ш.Ш. Шихалиева, посвященную исламскому образованию в Дагестане в советский и постсоветский периоды [29]. Авторы подробно остановились на советской политике по отношению к мусульманской школе

в советский период. Часть этой работы посвящена анализу старометодной системы образования, а также деятельности некоторых джадидов по реформе мусульманских школ.

Истории мусульманского образования на Кавказе посвящена работа А.А. Ярлыкапова [29], где он дал краткий обзор развития мусульманской школы в Дагестане, обозначив также методы обучения и дисциплины, которые традиционно изучали в дагестанских мадраса. Автор также вкратце затронул вопрос о новометодных мадраса в Дагестане и деятельности первооткрывателя таких школ в регионе А. Акаеве. А.А. Ярлыкапов отмечает, что новометодные школы не получили на Кавказе такого широкого распространения, как в других регионах России [30, с. 17].

Работа, посвященная проблеме мусульманского образования, опубликована М.А. Мусаевым. В ней автор рассмотрел систему традиционного мусульманского образования, перечень дисциплин, изучаемых в этих мадраса, а также критику старой системы обучения со стороны дагестанских джадидов [31].

Мусульманской духовной элите в системе государственно-конфессиональных отношений в советский период посвящена работа И.Х. Сулаева. Автору не удалось избежать определенных клише, свойственных советской историографии, таких как «официальный» - «неофициальный» ислам и т.д. В целом, работа И.Х. Сулаева довольно подробно отражает политику советского правительства в отношении ислама, но не раскрывает суть того, как сами мусульмане воспринимали эту власть, какие дискуссии шли в среде мусульманских интеллектуалов и как они адаптировались в новых социальных условиях [32].

Оригинальная работа, посвященная сравнительному анализу джадидизма с ваххабизмом написана дагестанским исследователем З.М. Абдулагатовым [33]. Тонко проследив отрицание последователями этих двух течений следования *мазхабам* (*таклид*)³, автор точно подметил, что в обоих этих течениях можно усмотреть фундаменталистские идеи [33, с. 110]. Ваххабиты⁴, по его мнению, стремились «очистить» ислам от всех новшеств, которые были в него привнесены, и призывали вернуться к периоду раннего ислама, отрицая при этом роль разума и следуя буквалистскому пониманию Корана и Сунны. Джадиды же, по мнению автора, также призывая вернуться к основным источникам ислама – Корану и Сунне, актуализировали роль разума и пытались адаптировать ислам к современным реалиям через институт *иджтихада* [33, с. 112]. На наш взгляд, все же автор повторяет устоявшиеся клише советских историков, которые обозначали джадидизм как «прогрессивное» движение, направленное на модернизацию ислама и его приспособление к европейским системам ценностей [33, с. 117].

Деятельность египетских и дагестанских реформаторов в контексте развития ваххабизма рассмотрел в своей кандидатской диссертации А. Мантаев [34]. Приводя в своей работе оригинальные местные источники, тем не менее автор неправомочно причислил к ваххабитам египетских реформаторов – Джамалуддина ал-Афгани,

3. Таклид (араб. традиция) – означает следование какому-либо из предшествующих имамам основателей 4-х мазхабов (Ибн Малик, аш-Шафии, Абу Ханифа, Ибн Ахмад) во всех религиозных делах и светских сношениях.

4. Ваххабиты – последователи Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаб ал-Мушаррафи ат-Тамими (1703–1792) – основателя ваххабитского движения в исламе, сформировавшегося в XVIII веке.

Мухаммада Абдо, Рашида Рида, равно как и дагестанского сторонника египетской модели реформаторства – Али Каяева. Более того, автор не совсем корректно цитировал и интерпретировал местные источники. Так, приводя мнение дагестанского ученого Хафиза-хаджи ал-Ухли (Умарова), автор приписывает ему слова о том, что «ал-Ухли называл дагестанского реформатора ваххабитом» [34, с. 98]. На самом деле, в рукописи очевидно разграничение Абд ал-Хафизом ал-Ухли понятий «ваххабиты» и «джадиды». К последним, а не к ваххабитам, он и причислял Али Каяева⁵. Вместе с тем, автор ввел в научный оборот оригинальные арабоязычные источники, показывающие что исламский дискурс в среде мусульманской элиты не прекращался весь советский период.

Статья А.Р. Наврузова «"Байан ал-хака'ик" – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века» вводит в научный оборот еще один очень важный печатный орган реформаторской арабоязычной публицистика Дагестана. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов, способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводившиеся советским правительством. Обобщающей оценки издания и её роли в истории мусульманского обновленчества Дагестана первой трети XX в. автор в работе не дает [35].

В последние годы были опубликованы важные работы, посвященные мусульманскому реформаторству в Дагестане. Среди них мы можем отметить другую совместную работу М. Кемпера и Ш.Ш. Шихалиева, где авторы дают сравнительную характеристику кадимитской и джадидитской системе образования в Дагестане в начале XX в. Если в Волго-Уральском регионе идеи джадидизма касались реформы исламского образования в контексте преподавания на родном татарском языке, то в многонациональном Дагестане больше ориентировались на обучение на местных языках. В то же время арабский язык для дагестанской интеллектуальной элиты сохранял свое важное значение весь советский период. На протяжении советской эпохи в Дагестане кадимизм как традиционная система обучения продолжал существовать наряду с новометодной системой. Это сосуществование двух систем привело к смешанному методу преподавания арабского языка и исламских дисциплин в новых исламских учебных заведениях, открывшихся в постсоветский период [36; 37].

Характеристика мусульманского реформаторства в Дагестане первой трети XX в. дается в статьях Ш.Ш. Шихалиева «К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в.» [38] и «Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900-1930 гг.)» [39]. В них отмечается, что реформаторы стремились развивать исламскую мысль и право в соответствии с новыми реалиями. Было три формы этого движения. Первая группа ученых предложила реформировать только исламскую систему образования, поддерживая при этом традиции шафиитской юридической школы. Вторая группа реформаторов была так же за реформу образования, но вместе с тем выступала за расширение рамок шафиитского мазхаба. Третья группа реформаторов, наряду

5. Ал-Ухли, Абд ал-Хафиз. Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах. 1949. // Рукопись на арабском языке, хранится в частном архиве Ш.Ш. Шихалиева. Л. 40б–5.

с имевшейся системой исламского образования, критиковала юридические школы и призывала к независимым суждениям по вопросу исламского права вне рамок юридических школ. Суфизм также подвергался резкой критике со стороны реформистов второй и третьей групп. По этой причине имперская, а затем и советская власти поддерживали реформаторское движение в Дагестане [39, с. 134].

В статье «*Таклид* и *иджтихад*⁶ на протяжении веков: дебаты по исламской правовой теории в Дагестане, 1700-е – 1920-е годы» Ш.Ш. Шихалиев отмечает, что основным недостатком большинства существующих работ по исламскому праву в Дагестане является то, что они не учитывают многослойный характер *иджтихада* или тонкости дискуссий на эту тему среди мусульманской элиты Дагестана. За редкими исключениями, ученые изучают проблему *иджтихада*, не связывая ее с внутренними и внешними факторами, действующими во время появления и развития дискурсов *иджтихада*. Кроме того, в русскоязычной науке все еще существует тенденция представлять *иджтихад* как противовес *таклиду*. Опровергая этот довод, Ш.Ш. Шихалиев делает вывод, что все обсуждения *таклида* и *иджтихада* в Дагестане, скорее, были сосредоточены на допустимости различных уровней *иджтихада* [40].

В статье Ш.Ш. Шихалиева «Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе» дан анализ дискуссий о суфизме между представителями различных течений в Дагестане – суфийскими шейхами, с одной стороны, и лидерами исламских реформаторов, с другой. До распространения идей мусульманского реформаторства в Дагестане в начале XX в. и даже параллельно с движением реформизма, дискуссия о легитимности тех или иных практик шла внутри разных групп суфийских общин. В конце имперского периода к этой полемике подключились реформаторы. Примечательно, что в среде реформаторов отношение к суфизму и суфиям было неодинаковым. Одна группа *джадидов* считала суфизм легитимным в исламе течением, критикуя на страницах исламской прессы лишь современных им дагестанских суфийских шейхов. Другая группа реформаторов не признавала легитимность суфизма вообще [41].

Статья А.Р. Наврузова «*Тавассул*⁷, *истигаса*⁸ и *рабита*⁹ как элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века» посвящена элементам суфийской ритуальной практики, которые подвергались критике со стороны реформаторов. Дагестанские реформаторы, положительно относясь к суфизму как течению в исламе в целом, выступали с резко отрицательной критикой некоторых элементов суфийской ритуальной практики первой трети XX в. таких, как *тавассул*, *истигаса* и *рабита*, так как эта практика предусматривала духовную связь *мурида*¹⁰ со своим шейхом, что приравнивалось ими к идолопоклонству и многобожию (*ширку*) [42].

Статья М.Г. Шехмагомедова «Критика *лжешейхства* в Дагестане в конце XIX – нач. XX вв.» раскрывает содержание внутрисуфийской полемики, происходившей

6. *Иджтихад* (араб. усердие) – означает приложение факихом (знарок мусульманского права) своих усилий в выведении практических заповедей из подробных доказательств

7. *Тавассул* – обращение с мольбой к Аллаху посредством пророка, святых или шейхов.

8. *Истигаса* – взывание о помощи.

9. *Рабита* – духовная связь с наставником посредством воссоздания в сердце его образа.

10. *Мурид*, *мюрид* (араб. – последователь, ученик) – в суфизме, ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования.

в Дагестане между представителями различных суфийских братств в конце XIX – первой трети XX в. Эта полемика выражалась во взаимной критике и обвинении некоторых суфийских деятелей в лжешейхстве. Одним из самых активных участников внутрисуфийской полемики стал накшбандийский шейх Хасан Хилми ал-Кахи, который впервые выступил с резкой критикой в адрес некоторых дагестанских суфиев, которые, по его мнению, не имея соответствующей инвеституры, неправомерно занимались наставнической деятельностью, дискредитируя суфийское учение [43].

Одним из аспектов противостояния суфиев и салафитов в регионе был вопрос культа святых. Этому вопросу посвящена другая статья А.Р. Наврузова. Суфийская традиция настаивала на признании способности шейхов к *караматам*¹¹. Салафиты выступали против культа святых в исламе, считая его возвратом к языческим традициям. Другим вопросом противоборства был вопрос посещения могил святых и праведников. Положительно относясь к посещению могил, считая *зияра*¹² одним из предписаний ислама, северокавказские реформаторы исключали практику суфийской *зияры* из числа законных посещений могил [44].

В статье «Идеологическое противостояние дагестанских богословов в первой трети XX в.» М.Г. Шехмагомедова показана роль и влияние идей мусульманского реформаторства на общественно-политическую жизнь первой трети XX в. Автором освящается внутриконфессиональная полемика, происходившая между джадидами и их оппонентами в лице суфийских шейхов и нашедшая отражение в их сочинениях, а также на страницах дагестанской периодической печати [45].

В числе вышеуказанных работ, которые опираются на широкий круг арабоязычных источников, можно отметить работу Ш.Ш. Шихалиева «Правовые заключения Хасана ал-Алкадари (1834–1910) в его сочинении «Джираб ал-Мамнун» [46]. «Книга представляет собой собрание присланных Хасану ал-Алкадари вопросов и его ответов по самым разным темам: грамматика арабского языка, логика, риторика, практическая астрономия, мусульманское право, история и т.д.» [46, с. 167]. Многие вопросы, ответы на которые дает Хасан ал-Алкадари, станут позже предметом диспута также и в среде дагестанских реформаторов.

Представление о содержании происходивших между дагестанскими реформаторами дебатов об иджтихаде и таклиде дает перевод арабского источника «Полемика между Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгути, сделанный Ш.Ш. Шихалиевым [47]. Один из важных выводов исследователя заключаются в том, что элементы иджтихада так и не были полностью вычеркнуты из правовой шафиитской традиции. Те юристы, которые в местной традиции описываются как сторонники таклида, фактически разрешали использование определенных видов иджтихада [40, с. 239].

В другой своей работе Ш.Ш. Шихалиев дал анализ сочинения «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» известного дагестанского ученого ‘Абд ал-Хафиза Охлинского (1912–200)», который показывает суть дискуссий в среде дагестанских улемов в первой трети XX. В трактате идет полемика «вокруг толкования установлений и обрядовой практики в мусульманском праве, а также о «легитимности» суфизма и мусульманского обновленчества досоветской эпохи [48].

11. Карамат — «чудотворство», «необычные деяния», якобы совершаемые святыми, по мнению суфиев.

12. Зийарат, зийара — паломничество к святым местам, а также само обозначение этих святых мест.

Кроме этих работ можно отметить также исследования, посвященные роли дагестанской мусульманской элиты в конкретных исторических процессах, а также отдельным их представителям – ученым-богословам, мударрисам, шейхам, равно как и тем процессам, которые были связаны с деятельностью реформаторов: истории развития системы образования в Дагестане, открытию типографий и т.д. Ряд работ представляют собой прекрасный источниковедческий анализ. В них можно отметить историческую и фактологическую точность. Однако, биографии этих ученых рассматривались изолированно или в общем контексте развития определенных жанров дагестанской литературы, но не в контексте реформаторского движения на Кавказе [13; 49–54].

Заключение

Обзор историографии развития джадидизма и мусульманского реформаторства в Поволжье, Центральной Азии, Закавказье и изучение арабографических источников по Северо-Восточному Кавказу позволил нам согласиться с выводом ряда западных ученых, которые говорили не о джадидизме в Российской империи, а о разных формах джадидизма. В целом, можно сказать, что история джадидизма на Кавказе, в частности в Дагестане, (по сравнению с Крымом, Волго-Уральским регионом, Центральной Азией) остается «белым пятном». Мы имеем сравнительно небольшое количество статей, посвященных этому вопросу. Последние работы ряда исследователей опираются на оригинальные арабоязычные письменные источники, ранее не опубликованные, которые показывают дискуссии в среде мусульманской духовной элиты позднего имперского и раннего советского периодов. Мусульманские ученые на страницах арабоязычной прессы, в письмах и полемических рукописях отражали свое видение «правильного» ислама, что в свою очередь характеризует некую мозаичную структуру интеллектуального ландшафта в регионе, который динамично развивался весь советский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976.
2. Edward Lazzerini, *Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within* // *Cahiers du Monde Russe et soviétique*. 1975 № 16. Pp. 245-277.
3. *Kanlidere, Ahmed*. *Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars*. Istanbul, 1997.
4. *Noack, Christian*. *Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917*. Stuttgart, 2000.
5. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва, Петроград, 1923. –159с.

REFERENCES

1. Abdullin YG. *Tatar educational thought*. Kazan, 1976. (In Russ)
2. Edward Lazzerini, *Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within* *Cahiers du Monde Russe et soviétique*. 1975; 16: 245-277.
3. *Kanlidere A*. *Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars*. Istanbul, 1997.
4. *Noack, Christian*. *Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917*. Stuttgart, 2000.
5. *Validov J*. *Essays on the history of education and literature of the Tatars (before the revolution of 1917)*. Moscow, Petrograd, 1923.

6. Баймурзаев А.Б. Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. Махачкала, 1965. – 240 с.
7. Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. –М.: Наука, 1987. –326 с.
8. Kemper, Michael. «The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923-1933» // *Die Welt des Islams*. 2009. № 49(1). Pp. 1–48.
9. Kemper M., Bustanov A. «From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage» // *Islamic authority and the Russian language: studies on texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*, ed. by M. Kemper and A. Bustanov. Amsterdam: Pegasus, 2012. Pp. 29–53.
10. Бустанов А.К., Кемпер М. Мирасизм в татарской среде: трансформация исламского наследия в татарское просветительство // *Ars Islamica: Сборник трудов, посвященных С. М. Прозорову / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова*. М., 2016. С. 729–745.
11. Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в постсталинском Дагестане: из иджихада в Просвещение // *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. Т. 14. № 2. С. 128–143.
12. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968. –336 с.
13. Шихсаидов А.Р. Ал-Кудуки // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 51–52.
14. Крачковский И.Ю. Дагестан и Йемен // *Избр. соч.: в 6 т.* –М.-Л., Изд-во АН ССР, 1955-1960. Т. 6. – 739с.
15. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 314–338.
16. Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 1. Махачкала, 1992. – 376 с.
17. Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 2. Махачкала, 1997. – 320 с.
18. Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 3. Махачкала, 2010. – 440 с.
19. Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 4. Махачкала, 2021. – 240 с.
20. Абдуллаев М.А., Меджидов Ю.В. Али Каяев. Жизненный путь, естеств.-научн. и общест.-полит. воззрения. Махачкала, «Дагкнигоиздат», 1968. –182 с.
21. Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев. Махачкала, «Дагкнигоиздат», 1993. – 416 с.
6. Baymurzaev AB. *From the history of social thought in Dagestan in the second half of the 19th century*. Makhachkala, 1965.
7. Abdullaev MA. *Social and political thought in Dagestan at the beginning of the twentieth century*. Moscow: Nauka, 1987.
8. Kemper M. *The Discourse on the Origin and Class Soviet Character of Islam, 1923-1933*. *Die Welt des Islams*. 2009; 49(1): 1-48.
9. Kemper M., Bustanov A. *From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage*. In: Kemper M., Bustanov A. (eds.). *Islamic authority and the Russian language: studies on texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Amsterdam: Pegasus, 2012: 29-53.
10. Bustanov A., Kemper M. *Mirasism in the Tatar environment: transformation of the Islamic heritage into Tatar enlightenment*. In: M. B. Piotrovsky and A. K. Alikberov (eds.). *Ars Islamica: Collection of works dedicated to S. M. Prozorov*. Moscow, 2016: 729-745. (In Russ)
11. Kemper M. *Islam as a national cultural heritage in post-Stalin Dagestan: from ijthihad to Enlightenment*. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018; 14(2): 128-143. (In Russ)
12. Abdullaev MA. *From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan in the 19th century*. Moscow, 1968. (In Russ)
13. Shikhsaidov AR. *Al-Kuduki. Islam on the territory of the former Russian Empire*. *Encyclopedic Dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999: 51-52. (In Russ)
14. Krachkovsky IYu. *Dagestan and Yemen. Selected works: in 6 volumes*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the SSR, 1955-1960. Vol. 6.
15. Kemper M. *Sufis and scientists in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889)*. *Islamic discourse under Russian domination*. Kazan: Russian Islamic University, 2008: 314-338. (In Russ)
16. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan (“On the path of the prophet”). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 1*. Makhachkala, 1992. (In Russ)
17. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan (“On the path of the prophet”). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 2*. Makhachkala, 1997. (In Russ)
18. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan (“On the path of the prophet”). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 3*. Makhachkala, 2010. (In Russ)
19. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan (“On the path of the prophet”). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 4*. Makhachkala, 2021. (In Russ)
20. Abdullaev MA., Medzhidov YuV. *Ali Kayaev. Life path, natural-science and social-political views*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1968. (In Russ)

22. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (коллекция М.-С. Саидова). Махачкала, 2005. С. 87–88.
23. Гаджиев А.-Г.С. Джадидизм в Дагестане // Абу-суфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов / сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала. «Дагестанское книжное издательство», 2012. С. 64–65.
24. Абдуллатипов А.-К.Ю. Акаев А. – крупнейший деятель просветительского движения 1-й трети XX в. (Историография изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) // Абу-суфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов / Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.-Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 26–42.
25. Алиев К.М.-С. Идеологическое наследие А. Акаева и современность // Абу-суфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов, 2012. С. 9–15.
26. Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма // Абу-суфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.-Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 52–58.
27. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М., «Марджани», 2012. – 240 с.
28. Khalid Adeb. The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1999.
29. Bobrovnikov V.O., Nauruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan // Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States. Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. London and New York: Routledge, 2010. Pp. 107–167.
30. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. 2003. № 2 (21). С. 5–31.
31. Мусаев М.А. Традиционная система мусульманского образования в Дагестане и её критика джадидами // Алмазова Л.И., Хайрутдинов А.Г. (ред.). Шигабутдин Марджани: Наследие и современность. Сборник статей. Казань, 2008. С. 240–252.
32. Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991). Махачкала, 2009. – 385 с.
33. Абдулагатов З.М. Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №6(48). С. 108–120.
34. Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. – 233 с.
35. Наврузов А.Р. «Байан ал-хака'ик» – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века // Исламоведение. 2011. №3 (9). С. 82–93.
21. Medzhidov YuV., Abdullaev MA. *Ali Kayaev*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1993. (In Russ)
22. Shikhsaidov AR., Omarov KhA. *Catalog of Arabic manuscripts (collection of M.-S. Saidov)*. Makhachkala, 2005: 87-88. (In Russ)
23. Gadzhiev A-GS. *Jadidism in Dagestan*. In: *G.M.-R. Orazhev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2012: 64-65. (In Russ)
24. Abdullatipov A-KYu. Akaev A. – the largest figure in the educational movement of the 1st third of the 20th century (Historiography of the study of works, literary and journalistic creativity). In: *G.M.-R. Orazhev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials. Series "Life of remarkable Dagestanis"*. Makhachkala, 2012: 26-42. (In Russ)
25. Aliev KM-S. The ideological legacy of A. Akaev and modernity. In: *G.M.-R. Orazhev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. 2012: 9-15. (In Russ)
26. Kemper M., Shikhaliev ShSh. Dagestan Muslim reformism of the first third of the 20th century. as a type of Jadidism. In: *G.M.-R. Orazhev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials. Series "Life of remarkable Dagestanis"*. Makhachkala, 2012: 52-58. (In Russ)
27. Navruzov AR. *"Jaridat Daghistan" as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids*. Moscow: Marjani, 2012. (In Russ)
28. Khalid Adeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1999.
29. Bobrovnikov V.O., Nauruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan. In: Michael Kemper, Raoul Motika, Stefan Reichmuth (eds.). *Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States*. London and New York: Routledge, 2010. pp. 107–167.
30. Yarlykapov AA. Islamic education in Northern Kavkaz in the past and present. *Bulletin of Eurasia*. 2003; 21(2): 5-31.
31. Musaev MA. The traditional system of Muslim education in Dagestan and its criticism by the Jadids. *Almazova L.I., Khairutdinov A.G. (eds.). Shigabutdin Marjani: Heritage and modernity. Digest of articles*. Kazan, 2008: 240-252.
32. Sulaev IKh. *The state and the Muslim clergy in Dagestan: the history of relationships (1917–1991)*. Makhachkala, 2009.
33. Abdulagatov ZM. Wahhabism and Jadidism in the Dagestan Islamic consciousness: parallels and contradictions. *Central Asia and the Caucasus*. 2006; 48(6): 108–120.
34. Mantaev AA. *"Wahhabism" and the political situation in Dagestan. Candidate Thesis*. Moscow, 2002.
35. Navruzov AR. *"Bayan al-haq'a'iq" – a journal of Arab scholars of Dagestan in the first third of the 20th century*. *Islamovedenie*. 2011: 9(3): 82-93.

36. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. 2015. 69(3). Pp. 593–624.
37. Кемпер М., Шихалиев Ш. Кадимитская и джадидитская системы образования в Дагестане: взгляд на систему преподавания арабского языка и ислама в XX в. // *Восток (Oriens)*. 2018. №6. С. 105–123.
38. Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. // *МавраевЪ*. 2015. №1(16). С. 27–31.
39. Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. №3. С. 134–169.
40. Shikhaliev Sh. Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s-1920s. Published online by Cambridge University Press. – Pp.239-280. in: Paolo Sartori, Danielle Ross (eds), *Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. (Edinburg University Press, 2020).
41. Шихалиев Ш.Ш. Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе // *История, археология и этнография Кавказа*. 2022. № 18(2). С. 323–345.
42. Наврузов А.Р. Тавассул, истигаса и рабита как элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века // *Исламоведение*. 2023. Т. 14 (1). С. 5–16.
43. Шехмагомедов М.Г. Критика лжешейхства в Дагестане в конце XIX – нач. XXвв. (на примере сочинения Хасана ал-Хилми «ад-Дурра ал-байда' фи радд ал-бида' ва-л-ахва'») // *История, археология и этнография Кавказа*. 2021. Т. 17 (3). С. 558–567.
44. Наврузов А.Р. Северокавказские реформаторы-просветители первой трети XX века и некоторые вопросы религиозного культа // *Проблемы востоковедения*. 2022. №4(98). С. 84–91.
45. Шехмагомедов М.Г. Идеологическое противостояние дагестанских богословов в первой трети XX в. // *Успехи современной науки*. 2016. Т.10 (12). С. 114–118.
46. Шихалиев Ш.Ш. Правовые заключения Хасана ал-Кадари в его сочинении «Джираб ал-Мамнун» (пер. с араб. и коммент. Ш.Ш. Шихалиева // *Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия* / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш., Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 166–185.
47. Шихалиев Ш.Ш. Полемика между Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгути // *Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия* / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 186–226.
48. Шихалиев Ш.Ш. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» 'Абд ал-Хафиза Охлинского. сб. ст. // *Дагестан и мусульманский Восток* / сост. и отв. ред.
36. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. 2015; 69(3): 593-624.
37. Kemper M., Shikhaliev Sh. Kadimi and Jadidi education systems in Dagestan: a look at the system of teaching Arabic and Islam in the 20th century. *Vostok (Oriens)*. 2018; 6: 105-123.
38. Shikhaliev ShSh. On the issue of Dagestan reformism in the first quarter of the 20th century. *Mavraev*. 2015; 16(1): 27-31.
39. Shikhaliev ShSh. Muslim reformism in Dagestan (1900-1930). *State, religion, church in Russia and abroad*. 2017; 3: 134-169.
40. Shikhaliev Sh. Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s-1920s. Published online by Cambridge University Press. *Paolo Sartori, Danielle Ross (eds.). Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. Edinburgh University Press, 2020. pp. 239-280.
41. Shikhaliev ShSh. Discussions about Sufism in Dagestan in historical retrospect. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(2): 323-345.
42. Navruzov AR. Tawassul, istighasa and rabita as elements of Sufi ritual practice in the context of criticism by Dagestan reformers and educators of the first third of the 20th century. *Islamovedenie*. 2023; 14(1): 5-16.
43. Shekhmagomedov MG. "False sheikh" critique in Dagestan in the end of the 19th – early 20th centuries (on the example of the work of Hasan-Hilmi al-Kakhi "Durra al-bayda' fi raddi-l-bada' wa-l-ahwa"). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(3): 558-567.
44. Navruzov AR. North Caucasian reformers and educators of the first third of the 20th century and some issues of religious worship. *Problemy Vostokovedeniya*. 2022; 98(4): 84-91.
45. Shekhmagomedov MG. Ideological confrontation between Dagestan theologians in the first third of the 20th century. *Advances in modern science*. 2016; 10(12): 114-118.
46. Shikhaliev ShSh. Legal conclusions of Hasan al-Qadari in his work "Jirab al-Mamnun" (translated from Arabic and commentary by Sh.Sh. Shikhaliev. In: V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhmagomedov, Sh.Sh., Shikhaliev (eds). *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research: chrestomathy*. Saint-Petersburg: Presidential Library, 2017: 166-185.
47. Shikhaliev ShSh. Controversy between Nazir ad-Durgili and Yusuf al-Dzhunguti. In: V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhmagomedov, Sh.Sh., Shikhaliev (eds). *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research: chrestomathy*. Saint-Petersburg: Presidential Library, 2017: 186-226.
48. Shikhaliev ShSh. "Al-Jawab as-sahih li-l-ah al-musallah" by 'Abd al-Hafiz Okhlinsky. *Dagestan and the Muslim East Collected Articles. Comp. and resp. ed. A.K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov*. Moscow: Marjani, 2010: 324-340.

А.К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 324–340.

49. Шихсаидов А.Р. (сост. и отв. ред.). Историко-литературное наследие Хасана Алкадари. Махачкала, 1988; – 154 с.

50. Шихсаидов А.Р. (сост. и отв. ред.). Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель. Сборник научных трудов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН», 2006. – 220 с.

51. Шихсаидов А.Р. ал-Алкадари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 8–9.

52. Шихсаидов А.Р. Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVII–XIX вв. Махачкала, 1989. С. 5–14.

53. Шихсаидов А.Р., Кемпер М., Бустанов А.К. (пер. с араб., коммент., указ. и библиогр.) Назир ад-Дургили. Услада умов в биографиях дагестанских ученых. М.: Марджани, 2012. – 208 с.

54. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. – 176 с.

49. Shikhsaidov AR. (comp., ed.). *Historical and literary heritage of Hasan Alkadari*. Makhachkala, 1988.

50. Shikhsaidov A.R. (comp., ed.). *Hasan Alkadari. Scientist, poet, educator. Collection of scientific papers*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2006.

51. Shikhsaidov AR. al-Alkadari. In: *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999: 8-9.

52. Shikhsaidov AR. Written monuments of Dagestan of the 19th century (biography genre). *Written monuments of Dagestan in the 17th–19th centuries*. Makhachkala, 1989: 5-14.

53. Shikhsaidov AR., Kemper M., Bustanov AK. (translation from Arabic, commentary, index and bibliography). *Nazir ad-Durgili. A journey of the minds through the biographies of the Islamic scholars of Dagestan*. Moscow: Mardzhani, 2012.

54. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev is the pioneer printer and educator of Dagestan*. Makhachkala, 2003.

Поступила в редакцию 13.08.2023 г.

Принята в печать 08.02.2024 г.

Опубликована 15.06.2024 г.

Received 13.08.2023

Accepted 08.02.2024

Published 15.06.2024